

ФИЗИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ М.К. МАМАРДАШВИЛИ

Огурцов А.П. (Москва)

1. В последнее десятилетие налицо более внимательное отношение к прошлому нашей мысли, в том числе и философской. В России издаются труды философов прошлого, также и советского прошлого, их анализируют, с ними спорят, их сопоставляют с трудами их западноевропейских современников, рассматривают их в идейном и более широком — культурном контексте. Я не буду говорить о русской религиозной философии, представленной прежде всего теми мыслителями, которые не по своей воле жили и работали в эмиграции. Оказалось, что свободное философское исследование пробивалось из-под глыб коммунистической идеологии, что философская мысль не только существовала в советский период, но и по характеру поставленных и обсуждавшихся проблем ничем не уступала лучшим образцам философии.

В целом ряде городов (не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Перми, Самаре, Екатеринбурге и др.) проводятся конференции, публикуются интересные исследования отечественной философии в советский период. Становится ясно, что, несмотря на подавление философии в СССР, обусловленное сталинистской идеологией, приправленной в послевоенной кампании борьбы с космополитизмом ядом великорусского шовинизма, несмотря на репрессии и расстрелы в ГУЛАГе, побуждение к философии сохранилось и начиная с 50-х гг. и вплоть до крушения СССР сформировалась и существовала оригинальная философская мысль. Имена М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенкова, В.С. Библера, М.Б. Туrowsкого, М.К. Петрова, Г.С. Батищева теперь хорошо известны. К сожалению, им не пришлось жить в ту «пору счастливую», когда усилия их философского ума были по достоинству оценены и признаны. Все они скончались на рубеже 80–90-х годов прошлого века. Как будто злой рок не позволил им развернуться в годы, когда официальная идеология марксизма тихо умерла.

Все названные здесь философы отнюдь не были защитниками «катакомбной» философии — они работали в советских академических учреждениях, хотя и подвергались непрерывному

контролю и гонениям (напомню хотя бы жизненные траектории В.С. Библера, М.К. Петрова, А.А. Зиновьева). Партийные и административные органы делали все, чтобы их работы не доходили до издательств, не увидели своих читателей, все, чтобы «вытолкать» их из философии в иные сферы деятельности — в педагогику, в психологию, в изучение экологии Азовского моря и т. д. Думаю, что они «выталкивали» М.К. Мамардашвили в чтение лекций, надеясь на то, что он, грузин по национальности, не найдет общего языка с московской публикой. Но он нашел — известно, что его лекции вызывали громадный интерес и собирали большие аудитории слушателей. Не зря его называли московским Сократом.

Повернуться к собственному философскому наследию, отдать себе отчет, что же было сделано философами в «глухую пору листопада», какие проблемы ими были поставлены и что было упущено, каковы трудности, с которыми столкнулись их мысль — занятие, несомненно, нужное и важное. И тем более важно издать их труды, лекции, рукописи, которые позволили бы более полно понять, что же ими сделано, какие идеи они развивали. Я остановлюсь прежде всего на книге «Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии» (М., 1996). Она представляла собой рукопись, почти готовую к печати и была написана как плановая работа в Институте истории естествознания и техники, из которого он был уволен якобы за невыполнение плана.

Смерть М.К. Мамардашвили была для всех нас неожиданна. Он только что (за три дня — в четверг) был в Институте философии РАН, заносил в наш сектор свои магнитофонные записи — и вдруг известие о его кончине.

2. Центральным вопросом всей философии после феноменологии становится вопрос о том, что же такое бытие. Бытие нельзя описать, оно является гарантом самого себя и само себя показывает, не предполагая обращения к чему-то трансцендентному относительно себя. Экзистенциализм, обсуждая проблему существования, исходил из абсурдности мира, из заброшенности человека в мир. Для М.К. экзистенциализм — это философия действия без надежды на успех, философия ответственности, у которой нет основания. «Философия, — писал М.К., — не может быть наукой наук или же системой, универсальной метафизикой, одной универсальной онтологией. Она может быть лишь философией дискретного участия и указанием на его

условия»¹. Это участие человека с его сознанием и воображением в освоении мира выражается во втягивании мира в себя и во вращении в мир². Философия призвана осмыслить условия и возможности участия сознания в бытии.

3. В работах и в лекциях М.К. очевиден **метафизический импульс**, всегда отличавший его творчество. Более того, в них пробивается та метафизика, которая составляла точку отсчета в его описаниях современной философии и ее философских проблем. Свою метафизику он называет парадоксальным словосочетанием «физическая метафизика». Хочу обратить внимание на его ссылки на исследования физиков — А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, Н. Винера, Л.Д. Ландау, Г. Вейля, Д.А. Уилера, Н. Бора, Е. Вигнера, В. Гейзенберга, И.Р. Пригожина, тополога Серра. Иными словами, работа М.К. «Стрела познания» апеллирует к наиболее фундаментальным трудам современных физиков, т. е. она соответствует наукометрическим показателям.

Прежде всего, метафизика для него — это не мировоззрение, не учение и не система знаний о мире в целом, о законах природы, общества и мышления. Подвергая критике наивные и натуралистические (эмпирические) отождествления философии с наукой, особенно с естествознанием, М.К. рассматривал философию как способ задавания вопросов, как технику постановки и решения определенных и далеко не эмпирических проблем, захватывающих бытие человека в мире. Метафизика существовала и существует во множестве интерпретаций. Это означает, что мир дан человеку в определенных перспективах, что не существует и не может существовать единой, одной-единственной верной интерпретации. В центре метафизики — проблема бытия, прежде всего бытия свободы с присущей ему самоочевидной необходимостью самого себя. Причем бытие охвачено сознанием. Оно есть бытие-сознание, осознанное бытие, сознательное бытие.

Принцип тождества мышления и бытия образует исходный принцип его «физической метафизики». Он неоднократно говорит о «континууме “бытие-сознание”»³. Поворот, общий для оригинальных философов России этого времени к континууму бытие-сознание, где сознание было понято как момент бытия, а бытие

¹ Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996. С. 229.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 50.

как репрезентированное сознанием, выразился в идее тождества мышления и бытия. Этот принцип отстаивал не только М.К. Мамардашвили. Его отстаивали и Э.В. Ильенков, и В.В. Давыдов, и Б.А. Грушин, и Г.П. Щедровицкий, и М.Б. Туровский. И надо подчеркнуть, отстаивал каждый по-своему. Для Э.В. Ильенкова это был принцип анализа идеального как способа репрезентации человеческой жизнедеятельности, восхождения мысли от ее абстрактных определений к их конкретному богатству, для В.В. Давыдова это было основание для построения психологии развития личности, для Б.А. Грушина это подход в изучении общественного мнения как выражения общественного бытия, для М.Б. Туровского это принцип анализа рефлексивных отношений сущности, выявляемых мышлением, для Г.П. Щедровицкого это был способ организации мыследеятельности. М.К. не раз и не два подчеркивал, что мы не можем отдельно выделить сознание и бытие, не можем понять ни то, ни другое в отрыве друг от друга. Преодолеть разрыв между мышлением и бытием, который был доминирующим в т. н. ленинской теории отражения, — такова была общая установка того поколения философов, которое пришло в философию после войны.

4. Как же понимал тождество мышления и бытия М.К. Мамардашвили? Прежде всего он обращает внимание на символический и парадоксальный характер философского языка. Он имеет дело с символами — с символическим бытием, с трансцендентными объектами, которые помимо слоя эмпирического бытия обладают иным, трансэмпирическим, метафизическим смыслом. Этими объектами и являются символы, к которым не приложим предметный и наглядный язык. Они сопротивляются описанию в такого рода наглядном, обыденном языке и требуют иного языка — языка интерпретаций смысла. Они объединяют в себе эмпирическое и трансэмпирическое, физическое и метафизическое бытие. Будучи вещью, любой символ обладает другой стороной — стороной скрытого смысла, требующего расшифровки и понимания. В отличие от идеологически нагруженных конструктов и эмблем, которые всегда возникают и исчезают в быстротекущем времени, символы — вне времени, или точнее говоря, в длительном времени, в большой длительности.

Поэтому у метафизики иной способ рассуждения и аргументации, чем у научных дисциплин. Она обращается не к индуктивным или дедуктивным выводам, а к парадоксальным способам рационального смыслополагания и смыслопостижения. Пара-

доксальность аргументации метафизики заключается в соединении классического и неклассического языка, в дополнении неклассического языка языком классическим. Этот мотив уже чувствуется в его обращении к образу двуликого Януса, который он неоднократно использует и который становится у него решающим при характеристике и онтологии, и гносеологии. Он неоднократно говорил о своей «физической метафизике» как о «Янус-онтологии» и «Янус-гносеологии».

Стремясь указать на двоякое лицо Янус-метафизики, М.К. обращается к современной физике, к таким ее фундаментальным принципам, как принцип дополнительности Н. Бора и принцип неопределенности В. Гейзенберга. К современной физике он неоднократно обращается и в этих лекциях. Так, говоря о возмущении предмета наблюдения самим актом наблюдения, он сопоставляет эту ведущую идею копенгагенской интерпретации квантовой механики с воздействием психотерапевта на пациента в психоанализе.

Публикации М.К. о различиях между классическими и неклассическими идеалами рациональности хорошо известны. Классический способ мысли исходит из гомогенности пространства и одновременность описания сторон явления, не допуская в свои теоретические системы время, но допуская обратимость перехода от бытия к сознанию, и, наоборот, от сознания — к бытию. Способность сознания и самосознания трактуются как максимально возможная, как универсальная и позволяющая охватить весь мир из одной точки в одном едином созерцании некоего внеаходимого Наблюдателя. Импульс движения этого гомогенного сознания направлен во все стороны. Он обратим, как обратимо и движение сознания во всех возможных направлениях, как обратимо время и пространство. Классический способ мысли описывает мир в терминах «после», «до», «над», «под», «рядом» и т. д.

Входя в квантовый мир, надо сразу же отказаться от всех «размерностей» гомогенного пространства и времени, от всех клише обыденного сознания. Неклассический мир описывается метафорами — «разрывы», «пазухи», «полости», «складки» и т. д. Так, он говорит о «временной пазухе, складке, полости, очерчивающей сингулярность»¹. В нем иная геометрия — геометрия пространства-времени, мировых точек Минковского — сложно

¹ Там же. С. 90.

организованных пространственно-временных квазиобъектов. Для обозначения этого мира М.К. использует образ Янус-онтологии, которая фиксирует двуединство, двуми́рность, состояние двойного бытия. С такой онтологией связана и неизбежная двойственность языка — не двусмысленность, а двоякая осмысленность, двусмысленность. Это не призыв к возрождению неточного и метафорического языка описания. М.К. любил повторять фразу: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно».

Он обращается к языку квантовой физики для того, чтобы продемонстрировать двуслойность языка современной метафизики. Если физика XX века пришла к идее дополнительности языка макромира и языка микромира, макроязыка приборов и наблюдателя и микроязыка квантово-механических процессов, то и метафизика должна построить свой язык как двуслойный. Квантовые состояния невозможно описать, прибегая к классическим способам расчленения (кто? где? когда?). Дело не только в грубости макроязыка, оперирующего предметными понятиями, но и в том, что процессы микромира репрезентируются не предметными, а символическими понятиями и используют иные мыслеформы. Каковы же они? Это поле, система, множество элементов и процессов, состояние системы, множественное поле воздействий, континуум сингулярностей, базовые и расслоившиеся пространства, многоуровневость целого, где каждый уровень — это совокупность структур со своей топологией, своим континуумом событий. Апеллируя к исследованиям современных физиков и математиков, в частности к работе французского математика Ж.-П. Серра «Сингулярные гомологии расслоенных пространств», М.К. обращается к ним для того, чтобы осмыслить топологию многообразных пространств, и выделяет класс инвариантных проекций, которые он называет в «Стреле познания» «сферическим, пульсирующим пространством пространств»¹. Он неоднократно называет неклассическую онтологию онтологией процессов, событий и полей. Но эти же понятия-символы расшифровываются и в его лекциях о современной философии. Метафоры поля (поля мысленного действия, выделяемое точками пересечений различий, напряжений, напряжений мысли, пространственно-временного поля, универсум объектов истории) являются доминирующими и в его анализе философии XX века.

¹ Там же. С. 127.

5. Современная метафизика имеет дело с индивидуализированными сознаниями, создающими напряжения в поле взаимодействий, в пространственно-временном поле, которое содержит одновременно и объект, и субъект знания. В ней идет речь о скрытой топологии сознания-бытия — о топологии возможностей (возможных трендов), о пульсирующей сфере континуума бытия-сознания. Его онтология строится как «миры возможностей, внутри которых находимся и мы»¹.

Феномен — центральное понятие современной феноменологии — М.К. трактует как первую абстракцию в анализе события. Ею нельзя ограничиться. За этой первой абстракцией следуют другие абстракции — символы этого странного мира.

Топологическая онтология мировых точек — целостных событий, выдвинутая М.К., нетривиальна. Ее ядром является не транзитивность, отождествления и причинно-следственные расчленения, а превращения и процессы, их различения и их индивидуации. Оригинальность «физической метафизики» М.К. состоит в том, что он не строит универсальную метафизику с одной универсальной онтологией. Все претензии философии на построение одной-единственной и универсальной онтологии рухнули в XX веке.

6. Метафизика, выдвинутая М.К. Мамардашвили, соединяет в себе парадоксальным образом континуализм и дискретность, непрерывную топологию мира и дискретность участия и освоения человеком этой топологии. Дискретные акты участия и освоения реализуются в дискретных произведениях человеческого труда-усилия, в том числе и усилий мысли. Замечу, что понятие усилия было одним из наиболее значимых во всех работах М.К.

Как же связаны между собой непрерывная топология космоса с дискретностью труда-усилия и создаваемых в нем произведений мысли? Как найти корреляции между континуальностью физических и исторических полей и дискретностью произведений человеческого воображения и мысли? Как соединить непрерывность пространства-времени мировых точек с дискретностью «квантов действия» и производных от них — произведений, или «умных вещей»? М.К. прекрасно осознавал, что не только современная наука ищет ответы на эти вопросы, но пока еще не нашла их, но и то, что современная метафизика может быть понята как поиск нового языка, воссоздающего эту парадоксаль-

¹ Там же. С. 230.

ную сопряженность континуальности и дискретности, неразложимую цельность пространства-времени с его энергетическими напряжениями, изгибами, разломами, точками и линиями пересечения различий и дискретным характером произведений человеческого воображения и ума. Описывая цель «физической метафизики», М.К. отмечает: «...приходится прерывчато-непрерывно организовывать с учетом множественных индивидуаций-тотальностей»¹. Итак, М.К. стремится соединить лейбницианский принцип, исходящий из множественности монад (индивидуаций как тотальностей), с континуалистско-дискретной структурой бытия-сознания.

Описывая метафизические усилия современной философии в осознании парадоксальности мира — непрерывного мира космоса и прерывного мира трансцендентных объектов, или символов, созданных человеком, М.К. всегда старался зафиксировать незавершенность этих поисков, подчеркнуть, что это искажения, обладающие определенным вектором: они направлены на понимание двумирности нашего мира. Континуалистские модели сами по себе недостаточны. Столь же недостаточны и дискретные модели. Континуалистские модели должны быть дополнены (и дополняются) дискретными моделями создаваемого человеком мира: анализ процессов должен быть дополнен анализом событий, исследование превращений — интерпретациями произведений, концепции поля — теориями квант-действия. Поиск таких парадоксальных сочетаний двух языков описания сам по себе нетривиален. Но именно это нетривиальное сочетание и является актуальным в наши дни, отвечает духу современной научной рациональности в XX веке.

7. М.К. Мамардашвили в построении собственной «физической метафизики» и в анализе направлений современной европейской метафизики ориентируется на соединение континуалистской онтологии поля с дискретностью мира «технэ» — мира техники и искусства в широком смысле слова. Такое бинокулярное, стереоскопическое видение позволяет М.К. найти новые ракурсы и символического бытия. Он выявляет в нем новый слой — слой *экстрацеребральных амплификаторов*. Это основная мысль его статьи, написанной в соавторстве с В.П. Зинченко². Что же скрывается за поиском объективного метода в психоло-

¹ Там же. С. 236.

² Мамардашвили М.К., Зинченко В.П. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.

гии? Психология, изучающая психические феномены и процессы, субъективные переживания, эмоции и внутренний опыт, должна быть построена с помощью объективного метода. Может быть, это тяга к возрождению экспериментальной физиологии и психологии, которой отдали дань немецкие философы в конце XIX века? Нет, конечно. За этим скрывается новый поворот в изучении сознания — поворот к его анализу в сопряжении с экстрацеребральными приставками и амплификаторами, которые созданы трудом-усилием человека на всем протяжении истории. Любые акты сознания, любые акты мышления несводимы к нейрофизиологическим импульсам и процессам. Они могут быть объективно зафиксированы лишь внутри поля взаимодействия сознания с теми предметными формами, которые созданы им же самим. К этому предметному миру амплификаторов сознания относятся язык и письменность, мир повседневного обихода и инструментов, мир символов и те самые метафизические построения. Даже суд М.К. называет машиной-амплификатором. Да и всю культуру он характеризует как формализованную машину — амплификатор, которая позволяет стандартизировать наши представления, мысли и поведение. Иными словами, он сводит всю культуру к созданию формализованных образцов или стандартов поведения и мысли.

8. Замысел М.К. состоит в том, что сознание надо анализировать не столько как психический акт, не столько как субъективное переживание, «эмпатию», «вчувствование», «духовное понимание», сколько как поле актов сознания в единстве с создаваемыми им трансцендентными квазиобъектами. Тем самым М.К. анализом амплификаторов сознания продолжил и расширил то исследование символов, которое он проводил. Символическое бытие противопоставляется им вещам и их свойствам, вещному бытию и предметным понятиям. В этом подходе М.К. можно увидеть продолжение критики К. Марксом фетишизма как способа бытия в товарно-денежной экономике и фетишистского сознания, живущего как рыба в воде в овеществленных общественных отношениях. Апелляция к Марксову анализу фетишизма выражена в статье Мамардашвили об анализе сознания в работах Маркса¹. Но уже в его статье «Форма превращенная», напечатанной в 1970 г. в 5-м томе «Философской энциклопедии»

¹ Напомню хотя бы его статью «Анализ сознания в работах Маркса» (Вопросы философии. 1968. № 6. С. 114–125), позднее перепечатанную в сборнике «Как я понимаю философию» (М., 1992).

(М., 1970), ощути́м иной подход: превращенная форма мыслится им как феномен, не допускающий разрыва сущности и явления. Феномен сам себя показывает, он существует, как замечает в лекциях о феноменологии М.К., по собственному праву, его очевидность нуждается не в конструировании некоей сущности, а в реконструкции его самоочевидной данности. Феномен, согласно М.К., неразложим на явление и сущность. Его надо не разлагать аналитически, а воссоздать в целостном виде, реконструировать его во всей системе связей, воспроизводимых им.

Для Маркса же мир фетишизма — это мир видимости, а за ней нужно вскрыть сущность — абстрактный труд как основу стоимости. В этом исток критицизма Маркса и одновременно его утопизма. Искус утопизма коренился в парадигме метаморфоз, которой отдавал предпочтение Маркс в 50–60-е гг. XIX века — годы написания первого тома «Капитала». Ход мысли М.К. иной, чем Марксова критика фетишизма и фетишистского сознания. Благодаря рассмотрению превращенных форм бытия-сознания в контексте бытия феноменов его анализ получил иную перспективу — превращения сознания были поняты как метаморфозы сознания в произведенное бытие, в бытие экстрацеребральных амплификаторов, наращиваемых в ходе развития цивилизации. Поворот М.К. к осмыслению метаморфоз феномена бытия-сознания в его терминологии, или превращенных форм в терминологии Маркса, был обогащен техникой феноменологической аналитики сознания и не предполагал никакого расчленения между метаморфозами и тем архетипом, который осуществляет метаморфозы. Должна быть воссоздана цельность феномена, конкретность превращенной формы во всех ее связях, во всем поле ее взаимодействий.

9. Существуют ли трудности для такой «физической метафизики» или «Янус-онтологии», о которой говорил М.К.? Да, конечно. Его интерес к современной метафизике и коренился не только в том, чтобы найти в ней новые интеллектуальные ресурсы, но и в том, чтобы избежать тех ловушек, в которые попадали некоторые из ее наиболее известных представителей (например, Ж.-П. Сартр, аннигилировавший дискретные вещи во имя чего-то воображаемого). М.К. сам фиксирует трудности, стоящие перед ним.

Первая трудность. Остается пока не расшифрованным то, как будет объединено континуалистское миропонимание с дискретностью произведений мысли. Предложенный им в «Стреле

познания» образ тигля культуры, или горловины, втягивающей в себя мир¹, является скорее дидактическим примером, чем познавательной моделью топологии векторного пространства, которая образует средоточие «физической метафизики» М.К.

Вторая трудность. Она состоит в том, что природа не только континуалистски организована: наряду с непрерывностью в ней существуют атомы, молекулы, кристаллы и тела разного рода — от растений до живых особей. Конечно, мир природы может быть рассмотрен и под другим углом зрения — углом зрения сообществ, или биогеоценозов. При таком взгляде дискретность природного мира замещается сложными системными связями с другими видами и с экологическими нишами, т. е. становится континуалистским. Само собой разумеется, мир произведений человека дискретен.

Третья трудность, которую фиксирует сам же М.К., гносеологическая. По его словам, «для теоретической гносеологии не существует глупости, ошибок, заблуждений (или инстанций объяснения)»². Эта мысль М.К. имеет непосредственное отношение к принципам анализа им современной философии. Если советская философия в своем разрушительном пафосе целиком и полностью отвергала все направления XX века как направления *буржуазной* философии, как заблуждения и фальсификации, то для М.К. этот подход неприемлем: то, что называют заблуждениями и ошибками метафизической мысли, нужно понять в их сопряженности с бытием, не просто как дефекты мысли, а как дефекты бытия, воспроизводимые сознанием. С этим можно согласиться. Но из этой мысли М.К. следует отрицание существования иррационализма. Существуют лишь разные формы рационализации мира и сознания-бытия. Этот ход мысли М.К. — последовательный вывод из допущения бытия-сознания с его амплификаторами, для которого и иррациональные способы выражения суть лишь превращенные формы рационализации мира.

Четвертая трудность, которая возникает перед М.К., объясняется его полемикой с идеями вероятности. М.К. неоднократно говорил о том, что Бог не играет в кости. И в данных лекциях он вспоминает о полемике между А. Эйнштейном и Н. Бором: первый, отстаивая идею поля, полагал (как и Мамардашвили), что

¹ Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 158.

² Там же. С. 129.

Бог не играет в кости, Н. Бор же развил вероятностную интерпретацию квантовой физики. Остается все же неясным, как же связаны между собой отрицание М.К. вероятности (и тем самым случайности) с допущением возможности (бытия возможных трендов)?

Эти трудности осознавал сам М.К. и пытался найти их решение. До сих пор эти трудности не разрешены. И предложенные им способы решения метафизических проблем оказываются актуальными и в наши дни.

Свободная мысль пробивалась с трудом из-под глыб насилия советской власти и ее идеологии. Об этом свидетельствует творчество целого ряда отечественных философов, в том числе и таких грузинских философов, как Ш.И. Нуцубидзе, А.Т. Бочоришвили, К.С. Бакрадзе, Нико Чавчавадзе. К ним относится и мысль московского грузина Мераба Константиновича Мамардашвили, которым могут гордиться и Грузия, и Россия.